

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94(47)

doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-1

Образ власти в российском обществе второй половины XIX в.: взгляд современников

Н. Г. Карнишина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

karnishins@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность работы определяется необходимостью с новых позиций переосмыслить имперский период российской истории второй половины XIX в. в контексте дихотомии «бюрократический центр – провинция». Цель исследования – изучить динамику изменения представлений различных сословий о верховной власти Российской империи в 1870–1890-е гг. *Материалы и методы.* Исследование проведено на базе принципов исторической науки: объективности, историзма и системности. Системно-структурный метод использован автором для изучения результатов работы цензурного ведомства с целью выявления механизма воздействия на население по формированию образа власти. Историко-антропологический подход применен при изучении писем, дневников и записок современников с учетом специфики положения различных сословий в Российской империи в пореформенный период. Принцип соответствия применялся при изучении истории повседневности как практики выживания населения Российской империи в 1870–1890-х гг. на фоне таких вызовов, как войны, эпидемии, голод 1891–1892 г., цареубийство. *Результаты.* Решена основная задача – на основе широкого комплекса источников изучить механизм формирования образа чиновника центральной и местной администрации как представителя царской власти Российской империи второй половины XIX в. *Выводы.* В ходе проводимых в стране системных реформ особую актуальность приобрела необходимость концентрации усилий всех государственных институтов, церкви по формированию привлекательного образа верховного правителя, решившегося на проведение изменений, затронувших жизнь практически всех сословий огромной империи. В пореформенный период отношения между властью и обществом в модернизирующемся обществе переосмысливались в новых категориях – принятия или неприятия преобразований, доверия или недоверия царскому чиновнику. Каналы воздействия на население пролегали как через сложившиеся практики, используемые органами власти, правоохранительными органами, религиозными организациями, земствами, так и через периодическую печать, различные общественные организации, благотворительные общества. При анализе материалов периодической печати был использован метод контент-анализа. Безусловно, при изучении социальной истории России периода второй половины XIX в. крайне важно вычленять и отдельно исследовать мнение образованного общества и представления, сложившиеся в крестьянской среде, а также учитывать возможности трансляции политического опыта в крупном университетском городе и небольшом уездном городке. Значительную роль при анализе проблемы «власть и общество» играют, на наш взгляд, этноконфессиональные характеристики различных территорий Российской империи.

Ключевые слова: информационная среда, образ самодержавного правителя, духовная и светская бюрократия, периодическая печать, общественные организации

Для цитирования: Карнишина Н. Г. Образ власти в российском обществе второй половины XIX в.: взгляд современников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 5–13. doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-1

The image of power in Russian society in the second half of the 19th century: the view of contemporaries

N.G. Karnishina

Penza State University, Penza, Russia

karnishins@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the work is determined by the need to rethink the imperial period of Russian history in the second half of the 19th century from a new perspective in the context of the “bureaucratic center – province” dichotomy. The purpose of the study is to analyze the dynamics of changes in the ideas of various estates about the supreme power of the Russian Empire in the 1870s–1890s. *Materials and methods.* The research was conducted on the basis of the principles of historical science: objectivity, historicism and consistency. The system – structural method was used by the author to study the results of the work of the censorship department in order to identify the mechanism of influence on the population to form an image of power. The historical and anthropological approach is applied in the study of letters, diaries and notes of contemporaries, taking into account the specifics of the position of various estates in the Russian Empire in the post-reform period. The principle of conformity was applied in the study of the history of everyday life as a practice of survival of the population of the Russian Empire in 1870–1890 against the background of such challenges as wars, epidemics, famine of 1891–1892, regicide. *Results.* During the writing of the article, the main task was solved – on the basis of a wide range of sources to study the mechanism of forming the image of an official of the central and local administration as a representative of the tsarist government of the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Conclusions.* In the course of the systemic reforms carried out in the country, the need to concentrate the efforts of all state institutions and the church to form an attractive image of the supreme ruler, who decided to carry out changes that affected the lives of almost all estates of the vast empire, has become particularly relevant. In the post-reform period, the relationship between government and society in a modernizing society was reinterpreted in new categories – acceptance or rejection of transformations, trust or distrust of the tsarist official. Channels of influence on the population ran both through established practices used by government agencies, law enforcement agencies, religious organizations, zemstvos, and the periodical press, various public organizations, and charitable societies. We use the method of content-analyzing when analyzing periodical printing materials. Of course, when studying the social history of Russia during the second half of the 19th century, it is extremely important to isolate and separately examine the opinion of educated society and the ideas that have developed in the peasant environment, as well as take into account the possibilities of broadcasting political experience in a large university city and a small county town. In our opinion, the ethnoconfessional characteristics of various territories of the Russian Empire play a significant role in the analysis of the problem of power and society.

Keywords: information environment, the image of an autocratic ruler, spiritual and secular bureaucracy, periodicals, public organizations

For citation: Karnishina N.G. The image of power in Russian society in the second half of the 19th century: the view of contemporaries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(3):5–13. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-1

Изучение хода исторического процесса Российской империи в 1870–1890-е гг. в контексте проводимых реформ сверху неизбежно приводит исследователя к необходимости учета таких характеристик, как мотивация имперских властей при подготовке и проведении реформ, борьба мнений в сфере бюрократии, а следовательно, к проблеме сложившегося образа царской власти в центре и на местах.

Государственное устройство страны по принципу «центр и окраины», наличие сложившейся структуры взаимодействия имперских властей и местных сообществ, разница в отношении к имперским ритуалам власти на национальных окраинах приводили зачастую к недовольству широких слоев населения управленческими практиками, с помощью которых центральные власти и чиновники на местах проводили в жизнь политику в отношении разных групп населения. Следует учитывать и расхождения в понимании ситуации чиновниками в центре и на местах. Местные сообщества тоже не были едины. Элиты были расколоты, в том числе и по вопросу о поддержке правительственных реформ и политики местной администрации, и нередко для решения внутренних конфликтов на местах требовалось вмешательство центральной власти. Кроме того, полиэтническая и поликонфессиональная природа Российской империи усложняла проведение политики царского правительства как в центральных губерниях, так и на окраинах. В имперском пространстве возникает особая система взаимодействия между центром принятия решений и провинциальными сообществами [1, с. 21].

Характеристики представителей царской власти на местах очень часто встречаются в официальных записках, адресованных императору. Например, А. Е. Тимашев, министр внутренних дел, во «Всепоподданнейшем докладе по обозрению белорусских и других губерний за 1876 г.» высказал свою точку зрения по этому вопросу: «Положение Начальников губерний, беспрерывно усложняющееся по мере изменяющихся условий губернаторской службы и отношений с представителями разных ведомств и учреждений, зависит в настоящее время не столько от размеров предоставленной губернаторской власти, сколько от свойств их личного характера и деятельности и от поддержки, встречаемой ими в высшем Правительстве. При настоящем моем обозрении я снова удостоверился, что результаты, достигаемые деятельностью Начальника губернии, обуславливаются не бюрократическими способностями, а единственно твердой волей, беспристрастным взглядом и живым отношением к делу. С этой точки зрения деятельность их всегда находит должную оценку, уважение к ним возрастает и авторитет власти выигрывает в глазах местного общества. Сами отношения высшей губернской администрации к судебному и к иным ведомствам удовлетворены по существу дела. Частные исключения вытекают по преимуществу из каких-либо личных столкновений, не всегда устранимых» [2, л. 1].

В свою очередь министр внутренних дел (1881–1882 гг.) Н. П. Игнатьев в своем «Всепоподданнейшем докладе» от 26 октября 1881 г. отмечает в качестве

одной из серьезнейших проблем управления на местах «недостаток в губернских городах чиновников солидно образованных» [3, л. 12].

Оба высших сановника выражают обеспокоенность неумелыми и зачастую непродуманными действиями губернаторского корпуса на местах.

А. Г. Казначеев в «Записке об упадке земледелия, о тяжелом положении крестьян, о равнодушном отношении к народу со стороны духовенства, чиновничества, интеллигенции» от 29 марта 1881 г. писал: «Если у русского народа окажется недостатка воли или возможности общего, дружного усилия, источник этой воли кроется в русской самодержавной власти. Ей одной принадлежит почин и возможность поддержания режима для образования под его действием новых деятелей. Отношения чиновничества к начальству представляют беззаветную угодливость, постоянные старания представлять начальству более благоприятную для чиновника сторону каждого обстоятельства. Из совокупности таких представлений, передаваемых по инстанциям, образуются у правительства невероятные понятия, которые по беспристрастной проверке обнаруживают поразительное несходство действительности с официальными или бумажными представлениями. Но при нашей централизации такие проверки невозможно делать часто и повсеместно. Отсюда официальные миражи, господствующие в Петербурге и приводящие к прискорбным ошибкам» [4, л. 8, 10, 12].

Основное место в переписке, дневниках и заметках 1870–1890-х гг. уделялось характеристикам императора и сложившемуся у населения образу царя и высших царских чиновников. Очень интересны материалы, собранные в фонде К. П. Победоносцева, собиравшего мнения различных слоев населения о проводимой политике путем подборки материалов переписки, запросов, обращений, анализа публикаций в периодической печати.

Так, в фонде К. П. Победоносцева встречается письмо мирового судьи Звенигородского уезда П. Д. Голохвастова «Письмо об отношении народа к политическому положению России и ко введению Конституции» от 10 декабря 1879 г. (г. Воскресенск Московской губернии).

Автор писал: «Я, как и многие, конечно, из нас деревенщины, вижу и слышу, знаю многое чего и надо бы, да нельзя знать власть имеющим, но чего мы им сообщить не можем и права не имеем. Напряжение в народе небывалое. Во-первых, все мы, весь народ, живем со дня на день, с известий до известий, в ежеминутном страхе: сохрани Господи, опять надеемся на Государя, сохрани Господи, и на наследника. После второго апреля телеграммы и слухи доносились. Меня стали просить составить от города адрес: не хотим, мол, конституции, головами за Царя ляжем. А слухи де верные: московское дворянство в адресе просит конституции. Долгоруков адреса не отправил, они нарядили депутацию, он дал знать в Петербург, Государь велел не пускать их из Москвы. Разуверять было нечем, я уговорил подождать, газеты, по крайней мере. Через день-два опять слухи: требуют конституции, наверное, тверские дворяне и малороссийские. Дождались, однако, газет: газетам верить нельзя, свертывают. Государь! Если бы привел Бог в ту минуту, с какой бы радостью бросился каждый из нас стать грудью между тобой и твоим злодеем. Как за тебя Государя, так и за власть твою самодержца всея Руси, как отцы наши стояли, так и мы стоим и будем стоять грудью всея земли. Но загудело опять, да уже не из улицы в улицу, а из области в область: с Богом, за Царя,

за господ! Вот отчего так легко верит народ самозванцам? Оттого, что так крепко любит своего надежу Царя, но до которого далеко-далеко, как до Бога высоко, где уж тут народу о Царе правду знать! Царь за народ» [5, л. 1, 5, 9].

Следует заметить, что представители столичного высшего общества в своей личной переписке по большей части дают характеристики личностей императоров, зачастую подчеркивая свою близость ко двору. Одновременно мы видим здесь проявление феномена персонализации верховной власти, что для самодержавия являлось закономерным явлением.

Так, Н. Ф. Фан-дер-Флит в дневнике за период от 1 августа до 31 декабря 1882 г. делится своими впечатлениями от реформаторской деятельности Александра II и Александра III. Он писал: «Яковлев собирает (при содействии Баранова и Каханова) много материала, который должен быть утвержден 1 марта 1881 г. Александром II разработан ряд вопросов при содействии пятидесяти приглашенных сведущих лиц (в их числе был и я). Разработанные таким образом вопросы должны быть, безусловно, рассмотрены выбранными от земства лицами. Соглашение должно быть достигнуто Государственным Советом и Государем, а далее 8 марта 1881 г. должен был быть одобрен и Александром III. Под влиянием Победоносцева, Игнатьева и др. дали делу другой оборот, привели к падению министерства Лориса и теперешней безурядице» [6, л. 34].

Б. Мещерский, тверской предводитель дворянства, в «Записке о необходимости административных, финансовых и других реформ», которая была подготовлена при воцарении Александра III от 15 апреля 1881 г., писал: «Государь может показать всей России всю мощь самодержавной власти хотя бы тем, что начнет неуклонно требовать исполнения своей воли» [7, л. 3].

М. Н. Катков в «Статье по поводу проекта новых правил к печати» писал: «В нашем народе нет и тени вопроса династического. В нашем народе нет и тени какой-либо организации, направленной против верховной власти. В этом заключается великое преимущество нашего народа, завещанное ему всей историей его» [8, с. 6].

А. Ф. Тютчева в изданных воспоминаниях и дневниках за период 1853–1882 гг. пишет о своих впечатлениях об Александре II и Николае I.

Об Александре II: «Его основной дар было сердце доброе, горячее, человеколюбивое сердце, которое естественно влекло его ко всему щедрому и великодушному, и одно побуждало его ко всему, что его царствование создало великого. Умом, который страдал недостатком широты кругозора и к тому же был мало просвещен, он не был способен охватить ценность и важность последовательно проведенных им реформ, которые сделают его царствование одним из наиболее славных и прекрасных эпизодов в истории нашей страны. Его сердце обладало инстинктом прогресса, которого его мысль боялась. Потом, когда этот поток новой жизни прорывался сквозь разрушенную им плотину, поднимая при первом разливе немного пены и тины и увлекая в своем течении остатки исчезнувшего прошлого, тогда смелый реформатор, недоумевающий и огорченный, испугавшись собственного великого дела, стал отказываться от него и пытался встать на защиту порядка, основы которого он сам подорвал. В результате этого странного противоречия между велениями сердца и данными ума, этот государь, более чем какой-либо другой широко и глубоко демократический, наивно и совершенно искренне претендовал

на имя первого дворянина своей империи и на роль представителя аристократического принципа» [9, с. 33–34].

Об императоре Николае I А. Ф. Тютчева писала: «Этот человек в течение своего тридцатилетнего царствования был для России тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни. Угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убежденное в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть, и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки. Отсюда в исходе его царствования всеобщее оцепенение умов, глубокая деморализация всех разрядов чиновничества, безвыходная инертность надзора в целом. Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему усмотрению, все преобразовать своей волей. В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели права на них указывать, ни возможности с ним бороться. Он ошибался, но ошибался честно, и когда был вынужден признать свою ошибку и пагубные последствия ее для России, которую он любил выше всего, его сердце разбилось, и он умер» [9, с. 47–48].

В то же время в материалах Главного управления по делам печати сохранилось довольно много материалов, запрещенных к печати, содержащих довольно резкую критику верховных правителей 1870–1890-х гг.

Например, в «Записках профессора истории Московского университета М. С. Корелина», датированных 1889–1893–1896 гг., мы обнаружили неопубликованный фельетон неизвестного автора «Сказка про то, как царь Ахреян ходил Богу жаловаться», запрещенный к печати и содержащий довольно резкие характеристики Александра III:

И то царство большое, могучее,
 Называлось оно Ахреяновкой
 Как про то разоренье стыдобушку,
 Про несносные беды народные
 Знали-ведали все люди добрые,
 Да не ведал, не знал православный царь,
 Той страны Государь недогадливый,
 Ахреян по отцу Ахреянович.
 Он сидел в своем стольном городе
 На престоле отцовском и дедовском,
 В золоченых хоромах украшенных,
 За высоким, за тыном выстроенным.
 Для народу не слышно, не видимо [10, л. 3–5].

В материалах, запрещенных к печати, мы встречаем также следующее сочинение «Ода для русского народа. Глас народа – глас божий». Запрещено к публикации 12 мая 1867 г.

«На въезд в Москву Государя Александра Николаевича, Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича и супруги его Великой княгини Цесаревны Марии Федоровны и Великого Князя Владимира Александровича». Написано 21 апреля 1864 г.

Какое торжество в Москве!
Собрался народ в Кремле,
Встречать Царя и его детей
Везде раздался голос людей,
Все дружно кричат Ура!
О Россия! Ты ему внимай!
Закон в сердце сохраняй! –
Молись за весь мир и Царей,
Да спасет Бог от великих скорбей.
Примером для юных быть,
Грудью вперед всех идти.
Мы дети Небесного Отца,
Наследники Царства и венца.
Мы будем о том в Свете издавать!
И желающим истину сообщать.
Уже вышла первая книжка в Свет,
А для другой еще время нет.
Вторая как комета явится,
Истинный читатель насладится.
(Современная журналистика. Запрещена 25 февраля 1870 г.) [11, л. 1–2].

Следует согласиться с выводом С. Котляревского, который писал: «Вся история русской бюрократии показывает, что правительство слишком долго вообще признавало себя за единственную силу в стране, слишком долго пребывало в мысли, что общественные настроения, что народные потребности и желания ни к чему его не обязывают – могут ли эти люди забыть о своем положении привилегированной самоподавляющей касты? Они привыкли давать законодательные ответы на поставленные жизнью вопросы, не считаясь с реальными нуждами страны и руководствуясь всецело ведомственными традициями» [12, с. 100–101].

Династическая имперская власть неизбежно сталкивается с проблемой воспитания лояльности у подданных. Особую актуальность вопрос восприятия населением правительственной политики приобретает в переломные периоды истории, когда взаимодействие власти и общества крайне необходимо для ответа на вызовы времени. В рассматриваемый период это реакция на проводимые реформы Александра II, цареубийство и воцарение Александра III; эпидемии и голод 1891–1892 гг.

Восприятие имперских ритуалов в разных слоях населения довольно серьезно различалось. Для Российской империи проблема отчуждения образованного общества от государства была крайне актуальна. При анализе соотношения государственной политики и общественных инициатив мы видим абсолютное господство позиции царского правительства. Отдельные государственные институты (армия, церковь, институты культуры, образования)

как агенты государственной политики только углубляли пропасть между властью и обществом в пореформенный период второй половины XIX в.

Список литературы

1. Карнишина Н. Г. Положение Царства Польского в составе Российской империи в XIX в. в оценках современников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (15). С. 19–26.
2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 120. Оп. 53. Ед. хр. 15.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 587. № 10.
5. ОР РНБ. Ф. 806. № 65.
6. ОР РНБ. Ф. 587. № 18.
7. ОР РНБ. Ф. 587. № 25.
8. Катков М. Н. Империя и крамола. М. : ФондИВ, 2007. 432 с.
9. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневники 1853–1882 гг. Тула : Приокское книжное издательство, 1990. 215 с.
10. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2202. Оп. 3. Д. 12.
11. ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 4. Д. 669.
12. Полярная звезда. 1905. № 2. С. 99–102.

References

1. Karnishina N.G. The position of the Kingdom of Poland within the Russian Empire in the 20th century in the assessments of contemporaries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2010;(3):19–26. (In Russ.)
2. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki. F. 120. Op. 53. Ed. khr.15 = Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Item 53. Chr. 15.* (In Russ.)
3. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 776. Op. 20. D. 412 = Russian State Historical Archive. Fund. 776. Item 20. File 412.* (In Russ.)
4. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB). F. 587. № 10 = Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 587. No. 10.* (In Russ.)
5. *OR RNB. F. 806. № 65 = Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 806. No. 65.* (In Russ.)
6. *OR RNB. F. 587. № 18 = Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 587. No. 18.* (In Russ.)
7. *OR RNB. F. 587. № 25 = Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 587. No. 25.* (In Russ.)
8. Katkov M.N. *Imperiya i kramola = Empire and sedition*. Moscow: FondIV, 2007:432. (In Russ.)
9. Tyutcheva A.F. *Pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniya, dnevniki 1853–1882 gg. = At the Court of Two Emperors. Memories, diaries of 1853–1882*. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990:215. (In Russ.)
10. *Tsentrал'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Moskvу (TsGA Moskvу). F. 2202. Op. 3. D. 12 = Central State Archive of Moscow. Fund 2202. Item 3. File 12.* (In Russ.)
11. *TsGA Moskvу. F. 31. Op. 4. D. 669 = Central State Archive of Moscow. Fund 31. Item 4. File 669.* (In Russ.)
12. *Polyarnaya zvezda = Polaris*. 1905;(2):99–102. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Геннадьевна Карнишина

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Отечества,
государства и права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

Natalia G. Karnishina

Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department of the
history of Russia, state and law, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: karnishins@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.08.2024

Принята к публикации / Accepted 30.09.2024